

УДК 902/904

СЕТЧАТАЯ КЕРАМИКА

© 2017 г. В.В. Сидоров

Все виды фактуры поверхности керамики, объединяемые в категорию «сетчатая керамика», наносились на уже сформированный сосуд, которому придавалась рябая поверхность. Этот прием не связан с технологией формовки сосуда и является декором. Разные виды штампов использовались в одной культуре и функционально составляют единую группу. Древнейший тип делался зубчатым штампом, позднее появляются естественный штамп, дающий оттиски в виде рядов дуг, и штамп с навитой нитью или шнуром и ряд других штампов. Эта техника декора формируется в волосовской культуре в конце III тыс. до н.э., после интеграции в нее пришлых групп, определяемых по фатьяноидной или чирковско-сейминской керамике. Сетчатая керамика применялась у всех прафинских народов и является индикатором связей, охватывающих лесную зону Восточной Европы.

Ключевые слова: сетчатая керамика, технология керамики, классификация, бронзовый век, железный век, волосовская культура, фатьяноидная керамика, дьяковская культура

Сетчатая фактура керамики – рябая фактура поверхности сосуда – легко узнаваемый признак. В Восточной Европе он существует 2,5 тыс. лет в эпоху бронзы и в раннем железном веке. Похожая фактура известна также на неолитической керамике Восточной Сибири и Дальнего Востока, но технология ее там совсем иная: здесь она получается при формовке сосуда выбивкой с применением рифленой или обмотанной шнуром колотушки. Согласованными действиями колотушки снаружи и гладкого камня-наковальни внутри сосуд формируется. Для отпечатков на дальневосточных сосудах характерна повторяемость расстояний между рядами углублений от рельефа штампа-колотушки. При выколачивании нет необходимости (да и возможности) выравнивать поверхности расчесом. Глиняные ленты, жгуты, лоскуты, а также формовка поверхностей расчесом и заглаживанием для этой технологии не требуются. При выколачивании не происходит наложения отпечатков колотушки на предыдущий слой – каждый отпечаток дает первичный отпечаток, полностью сменяя предшествовавшие. На восточносибирской керамике с нитчатой (Белькачи) и вафельной (БМьяхтах) фактурой наложение повторных отпечатков не бывает, на восточноевропейской оно обычно.

Европейская сетчатая керамика выполнялась наложением штампов на уже сформированный сосуд, лепленный из лент. При повторяемости оттисков зубцов в разных рядах меняют расстояние и угол между рядами как в полях и полосах, заполненных оттисками зубчатого штампа. Часть таких полей сформирована прокатыванием штампа. Значительная часть

сетчатых фрагментов восточноевропейского ареала имеет следы расчеса поверхности внутри, что не совместимо с техникой выколачивания. Отсутствие признаков выбивки сосудов дьяковской культуры показала массовая пососудная разборка керамических коллекций городищ Настасьино (ок.1400 сетчатых сосудов) (рис. 7, 7а), Круглица (рис. 8), Кузнечики, насчитывающих суммарно 150 тыс. черепков. Материалы стоянок эпохи бронзы Липовка1, Песошня 1, Варос, городище Филимоново, Ловцы 1 и 6 на озёрах Неро и Ловецком, Тростенском (Никольская 2) (рис. 3б), Заболотском (Сулять 1, 2, 3) (рис. 6: 3, 4, Удомля (Троица, Стан 1), Еськи на р. Мологе (рис. 5), поселения на Оке тоже дали тысячи фрагментов.

Природа сетчатой керамики может быть рассмотрена по двум направлениям – технологическому и историческому. В первом случае описаны наблюдения как над керамикой эпохи бронзы, так железного века (как это делалось), во втором – выясняются условия ее появления и особенности распространения (как это происходило).

Классификации фактуры должна выявить способ получения рябой поверхности – реконструировать штампы и способ их применения. Удастся заметить повторяющиеся приемы, которые как элемент культуры предполагается использовать для выявления локальных и хронологических особенностей. Фактура на всём сосуде создавалась одним инструментом, и отличия отпечатков в разных частях сосуда показывают вариабельность одного и того же штампа. Один и тот же штамп порой используется для оформления венчика и строчных

орнаментов и сетчатой фактуры. Классифицированным оттискам экспериментально подбираются максимально похожие естественные штампы, но доказывать их тождество можно, только пронаблюдав их варианты. Полная повторяемость видов оттисков в разных регионах доказывает, что использовался какой-то естественный штамп¹.

Термин «текстильная керамика» неудачен. Он строится на умозрительной гипотезе об использовании мягких ёмкостей для формовки в них сосудов (А.Я. Брюсов). Подобная формовка технически возможна, но доказательства ее применения в западном ареале сетчатой керамики не существует. Плетеная емкость имеет свои особенности, никогда не встречаемые на фактуре поверхности сосудов. Древнейшими оказываются сосуды с рябой поверхностью, сформированной зубчатым штампом, а не нитью. Но подобное оформление поверхности характерно и для волосовской керамики. Оттиски нити еще не означают использования текстиля, который представляет собой плетение. При переплетении меняется направление каждой нити, а на керамике с нитчатыми оттисками они после пересечения с другой нитью направления не меняют. Пересечение оттисков нитей – это результат повторных наложений, но не их переплетения. Случайные оттиски тканей, встречающиеся на средневековой и дьяковской керамике, не имеют ничего общего с сетчатой фактурой.

Я использую термин «сетчатая керамика» как условный. Он объединяет все способы создания рябой поверхности сосуда. Более точно было бы – «рябая керамика», но он близко совпадает с одним из терминов видов сетчатой фактуры, введенных В.А. Городцовым (1910). Он разделял сетчатую фактуру на нитчатые (текстильные) и рябчатые (ложно-текстильные) и рогожные. Эти же виды фиксировали И.Г. Розенфельдт (1974) и К.А. Смирнов (1974).

Профиль сосуда криволинеен, и оттиски в разных частях отличаются по направлению, глубине, полноте воспроизведения. Способствует определению природы оттисков то, что оформление сосуда велось ограниченным набором инструментов (обычно одним), и оттиски в разных его частях повторяются, пусть и поставленные под разными углами. Наблюдения необходимо вести над сотнями,

лучше тысячами фрагментов, подвергшимся пососудной разборке, чтобы были представлены оттиски от разных частей одного сосуда (в этом и заключается различие в методике моей и Ю.Б. Цетлина, работающего с отдельными черепками).

Фактура сетчатой поверхности однородна на каждом сосуде. Зубчатые, щепочные, нитчатые, рябчатые (скобчатые), бобовидные, точечные и рогожные фактуры никогда не сочетаются друг с другом. Может меняться густота оттисков и незаполненных пятен, зоны расчеса, наклон и повторность оттисков, выдерживаться определенная орнаментальная упорядоченность оттисков и их полей – в один слой выше максимального диаметра, многослойно – внизу, глубина вдавливания (а с ней и размер оттиска), но не виды оттисков. Достоверно определить тип сетки не всегда возможно, но это связано с сохранностью поверхности черепка. Это не промежуточная группа, а просто не информативная, и ее стоит исключить из статистических оценок (то есть количество неопределенных отражает только сохранность поверхности черепка). Заглаживания сетчатой фактуры не делалось.

Подавляющее большинство сетчатых сосудов эпохи бронзы имеет фактуру поверхности, выполненную тем же самым узким гребенчатым оттиском, каким орнаментирована полоса по венчику и плечу. М.Г. Косменко (1996а) определяет их как твердый штамп, наиболее вероятно – деревянный. Ни одного каменного и костяного штампа в комплексах сетчатой керамики не найдено, даже в тех, где гребенчатый геометрический орнамент занимает значительные площади сосудов. Встречаются участки оттисков, поставленных группами подряд (полями), но при этом расстояние между повторяющимися группами (цепочками) углублений (зубцов) меняется. Оттиски ставятся сериями – под одним углом, в том числе ритмично – ромбами, зигзагом, паркетно (то есть группы оттисков располагаются перпендикулярно друг другу), но также и хаотично, и с переходом в расчес поверхности, выполнявшийся этим же штампом.

Густое заполнение поверхности узким гребенчатым штампом, аналогичное ранней сетчатой керамике, изредка встречается на волосовской посуде (Ловецкая 1 на р. Саре) (рис. 2). Когда такой сосуд входит в мешанный комплекс, определить его принадлежность к волосовской или сетчатой керамике затруднительно (Еськи на р. Мологе) (рис. 2а, 5; 6: 1, 2).

¹ Из массива керамики отбираются фрагменты конкретных сосудов, не обязательно апплицированные: для этого достаточно особенностей теста, обработки поверхности, штампов.

Древнейшая сетчатая керамика Волго-Окского бассейна, Прибалтики и Карелии делалась тем же зубчатым штампом, что и орнамент (а также расчес поверхности). Эта фактура – плотное заполнение широких полей оттисками, установленными под одним углом, но поля местами налагаются друг на друга. Лепные сосуды имеют неровную поверхность. Вмятины трактуются как следы колотушки. Но как раз во вмятинах обычно отсутствуют оттиски сетчатой фактуры, которые четко читаются на выпуклых участках. С колотушками вмятины не связаны. Если штамп плоский, а не линейный, то оттиснуть его в вогнутых поверхностях шейки сосуда затруднительно. В этом случае отсутствие оттиска показывает, что сетчатая фактура ставилась уже по полностью сформированной поверхности, так что вдавливание поверхностно, оно не вело к деформации стенок. Сосуд был не только сформован, но и слегка подсушен. После орнаментации и нанесения рябой фактуры никакой подправки формы поверхности уже не допускалось.

Нитчатая керамика появляется на Верхней Волге позднее – это оттиски штампа, обмотанного нитью (тонким шнуром). Нити разной толщины – от 1 до 5 мм. Замерять толщину не рационально – она очень зависит от того, как глубоко в глиняное тесто был утоплен шнур.

Нитчатые оттиски на дьяковской керамике разнообразны. Нитка может быть разной толщины, плотности кручения, глубины оттискивания, степени натяжения, в том числе на одном сосуде. Это естественно – характер рыхлой нити (из неплотной пряжи) может меняться по ходу кручения. Б.А. Фоломеев (1998) разделял правое и левое кручение нитей, считая этот признак хронологическим индикатором. Классифицировать оттиски по характеру нити можно только в крайних позициях – очень тонкие и очень толстые, что несет информацию о характере пряжи, но не орнамента.

Вопросом является способ оттискивания нитей. Это может быть круглый стержень с поперечной или косой навивкой разной плотности. Такой штамп можно прокатывать по поверхности, получая параллельные оттиски нитей. Может использоваться плоская дощечка, обмотанная шнуром – она оставит группы повторяющихся параллельных оттисков шнура. Таким же плоским инструментом для оттискивания нитей оказывается ладонь, обмотанная шнуром. При этом натяжение нитей на ней может быть переменным и нерав-

номерным (отдельные витки не параллельны, образуют фестоны). В некоторых случаях можно говорить об отрезках нитей, порой весьма длинных – на большую часть высоты сосуда, утопленных в глину. Они не извлекались из сосуда после сушки, а выгорали. Это обычно, довольно толстые шнуры, края которых нависают над дном оттиска. Речь идет не об обматывании сосуда нитями, что вызвало бы его деформацию, особенно венчика, а именно об утопленных в глине декоративных шнурах.

Рябчатая фактура – цепочки скобчатых углублений, ориентированных одинаково. При одинаковой форме размер их различен. Материал явно растительного происхождения, возможно, ставился прокатыванием или сблокирован. К ним примыкает группа оттисков с прямым неровным краем, похожих на оттиск торца щепки, а также из цепочек мелких щелевидных ямок. Особую узнаваемую группу составляют бобовидные оттиски, нанесенные более мягким штампом.

Техника нанесения рябчатой фактуры достоверно не определена. Способ нанесения рябчатой фактуры тот же, что у нитчатой, но отличаются размеры, формы, глубина, комбинирование с рисующим орнамент штампом. Б.А. Фоломеев (1998) и В.С. Патрушев (1989) разработали классификацию рябчатых оттисков, но это только уточнило описание, не добавив понимания характера этого штампа. В разные классы попадают оттиски, входящие в один штамп, встреченные на одном сосуде, по-разному оттиснутые.

Интересный случай имитации сетчатой фактуры встречен на городище Мутенковское под г. Каширой. Поверхность сосуда неравномерно истыкана острием. Здесь в нижних слоях сетчатая керамика отсутствует – она появляется в средних слоях как результат контактов с дьяковской культурой и количество ее возрастает в верхнем слое.

Экспериментальные поиски естественного орнамента строятся на повторяемости деталей оттисков на самых разных памятниках – это предполагает именно естественный характер штампа. Экспериментальные образцы, полученные А.А. Бобринским (2006, с. 413–421) при выколачивании с прокладкой из стенки желудка жвачных (рубца), напоминают некоторые реальные черепки, но такие образцы крайне редки. О.А. Лопатина (2002, с. 494, 495) предложила использование вылущенной еловой шишки с прокатыванием по сосуду как штампа. Но несмотря на то, что

сходство в отдельных случаях есть, результат неустойчив: состояние шишек, их чешуек очень разное, гораздо разнообразнее того, что мы видим на керамике. Большинство шишек не дают похожих оттисков. То есть должны были бы использоваться шишки строго в определенном состоянии (зрелость, сухость). Эксперименты со стержнями шишек, оставшихся после шелушения их белкой, дали значительно больше случаев совпадений, но далеко не большинство. Многие детали рябчатых оттисков не объяснены и не зафиксированы. Но даже выявляемое сходство отдельных оттисков не является доказательством: необходимо, чтобы оно носило системный характер, объясняло бы наличие вариантов. Угол отклонения скобчатых оттисков в пределах одного ряда постоянен, повторяется скобчатая форма, расслаивание ее, но разнообразны размеры. Сериями встречается волнистый характер строчек скобчатых оттисков, никак не восходящий к огрызку шишки.

Другой, более мягкий материал, но тоже естественный и с прокатыванием, использовался в виде штампа, оставившего относительно крупные бобовидные ямки, характерные для позднего сетчатого комплекса городища Настасьино (рис. 7, 7а). Встречаются такие оттиски на сетчатой керамике каширских городищ. Часто такая сетка на городище Настасьино ставится на горло горшка с двух сторон, то есть фактически внутри сосуда. Все подобные сосуды профилированы, с высоким горлом, что указывает на относительно поздний возраст (1–3 вв. н.э.). Каширские не имеют такой профилировки и относятся к нижней части среднего слоя (6–5 вв. до н.э.) (Сидоров, 2004; Лопатина, 2005). То есть использование естественных штампов не дает оснований для датировки.

«Щепочные» оттиски в дьяковской керамике включаются в тип рябчатых. Иногда оттиск напоминает щепку с неровным краем, оставляющим острые зубцы разного размера. Они учитываются среди дьяковских рябчатых. На памятника Москвы-реки редки, но преобладают на городищах Верхней Волги.

Сетчатые оттиски ставятся также на плоском горизонтальном верхнем срезе венчика в том случае, если не используется какой-то иной орнамент верхнего обреза. Они заполняют внешнюю поверхность, встречаются также на дне как снаружи, так и внутри.

С рябчатой фактурой сочетается использование как орнамента «розетки» (интерпретируемые иногда как оттиски узла), которая

включает такие же, как у рябчатой фактуры, полулунные оттиски. Возможно, это тот же самый штамп, но в свернутом виде, оттиснутый торцом.

«Рогожный штамп» – это не рогожа, как предполагал В.А. Городцов; штамп не имеет волокнистой структуры. И не резная колотушка, прокатываемая по поверхности, как предполагает Ю.Б. Цетлин (2008). Боковые стороны квадратиков оттисков всегда вогнутые, то есть оставлены эластичным материалом. Если это луб, кожа, то натяжение полосок луба слабое – стороны прямоугольных оттисков, составлявших штамп, прогибаются. Оттиски плетеной бересты есть на доньшках льячек, они не растягиваются, и переплетение их не вызывает никаких сомнений и не тождественны «рогожным» оттискам.

Одновременное существование в одной культуре разных типов сетчатой фактуры, использование разных сетчатых фактур для одинаковых форм сосудов, сочетание их с одинаковыми орнаментами показывает, что мы имеем дело с разными формами одного явления и рассматривать их надо вместе. Вместе с сетчатыми используются сосуды со штрихованной и гладкой поверхностью.

Орнаментация поверхности дна с двух сторон встречается у поздняяковской и сетчатой керамики (рис. 3а, 7), но она делалась или наколами, ямками, или зубчатым штампом. Дьяковская сетчатая орнаментация дна дает ключ для понимания техники нанесения рябчатых отпечатков. Почти всегда она очень четкая и нанесена без повторов, в один слой (рис. 8). Её нанесение на дно не ведет ни к какой деформации, то есть оно наносилось на плоский диск начина доньшка, никогда – на донно-ёмкостный начин. Диск дна, орнаментированный сеткой обычно с двух сторон, сохранил четкость отпечатка и после того, как на нем сооружен весь сосуд, то есть он был достаточно твердым. Первая лента стенок устанавливалась на диск, в желобок, смоченный жидкой глиной, и примазывалась к дну без повреждения сетчатой фактуры. Ширина полосы заглаживания – ровно в палец. Эта полоска не пересекается сетчатыми оттисками, никаких следов соприкосновения со штампом нет на основании стенок. То есть вся обработка доньшка штампом была проведена до монтажа стенок.

Оттиски нитей дали основание для введения термина текстильная керамика. И.Л. Чернай (1981) пытался реконструировать сами текстильные материалы на основании

нитчатых оттисков на дьяковской керамике. Н.А. Кренке (2011) принимает опыты И.Л. Черная за доказательные. Но пересечения нитей как результат наложения штампа, обмотанного нитью, на «текстильной» керамике есть, а переплетений не обнаруживается.

Нитчатые оттиски в фактуре поверхности на поселениях эпохи бронзы на верхневолжских поселениях редки (1–2%). Они отсутствуют на сосудах, сохраняющих черты фатьяноидной (сейминской) керамики, в том числе на сосудах с примесью раковины нитчатая фактура отсутствует.

Значительно чаще нитчатая фактура встречается на окских поселениях². Возможно, это связано с наследием верхнеднепровской (дубровичской) лапчатой традиции³ (рис. 4, 4а), но переход к сетчатой посуде здесь произошел позднее, чем на Волге. Сетчатая посуда встречается в поздняяковских комплексах, но как показатель контакта с миром такой традиции. На Средней Оке в течение второй половины II тыс. до н.э. продолжается развитие поздняяковской культуры, трансформировавшейся под влиянием воронежской культуры в бондарихинскую. Памятники этого времени с сетчатой керамикой, однако, существуют и на Верхней Оке (вплоть до Белёва).

В Волго-Окском междуречье и Заволжье лапчатая керамика встречается в единичных группах (максимум ее в Языково, есть в верхнем слое Полецкой в верховье р. Нары, на озерах Центральной Мещеры в системе р. Пры). На Оке она встречается крупными поселениями: Большой Лес у г. Белоомута, Ибердус 1 у Касимова (Сидоров, 2003). Оттиски перевитого шнура наносились не только углом, но и плашмя, создавая поле заполнения поверхности. Прокатывание такого штампа могло бы давать нитчатый вариант сетчатой фактуры. Простые шнуровые оттиски тоже использовались в орнаменте, но факту-

ры фона (заполнения поля вне орнамента) не образовывали.

Поселение Дубровичи у г. Рязани (раскопки В.П. Челяпова, 2008 г., В. Конова, 2012 г.) показало, как комплекс лапчатой керамики трансформируется под воздействием иванобургской. Значительная часть керамики становится тонкостенной, в орнаменте используется угол и торец перевитого шнуром штампа, но он не образует полей ямок, а воспроизводит мотивы воронежской керамики. Шагарская культура – это смешение ее с волосовской, но волосовская примесь в Дубровичах малозначительна.

Сосуды, характерные для эпохи бронзы, имеют плавный переход от дна, так что внутреннее пространство имеет округлое (или яйцевидное, параболаидное) сечение, даже при плоскодонности. Стенки креплены дополнительным вмазыванием дополнительного жгута на стык дна и стенок.

Откуда возникла традиция сетчатости? Д.А. Крайнов в ямочных орнаментах отнюдь не самых ранних сетчатых сосудов видел продолжение традиций ямочно-гребенчатой керамики, ранее тысячу лет никак себя не проявлявшей, и усматривал в неровной поверхности редкоямочных сосудов проявление сетчатости фактуры (Крайнов, 1991, с. 66–72). Не более реалистично предположение о заимствовании из раннеолитической Сибири. Даты около 3900 л.н. сетчатой керамики Лубанской низменности позволяли предполагать здесь источник диффузии, тем более что на Валдае была зафиксирована вполне прибалтийская сетчатая керамика (Лозе, 1979), но становление самой традиции это не объясняло. Далее появились серии дат сетчатой керамики начала II тыс. до н.э. в Верхнем Поволжье (Песочня 1) (Воронин, 2013).

Центра возникновения сетчатой керамики не было, как и миграций из такого центра. Сама модель центричности архаичных культур не представляется реалистичной, так как никаких инструментов влияния какой-либо культуры на полностью независимые общности не просматривается. К тому же хаотичные связи, пронизывавшие Русскую равнину, делают центрические модели излишними. Они возникают в головах исследователей, а не в археологическом материале как абберация аналитического мышления, требующего постоянства и определенности элементов анализа, в том числе подхода к археологической культуре как гносеологической категории. Но комплекс – это след конкретной

² Нитчатая фактура – хаотично расположенные изогнутые оттиски толстых нитей есть на сосуде с яйцевидным туловом и высокой прямой шейкой, который может быть отнесен к примокшанским из комплекса Логинов Хутор (Попова, 1974) – древнейшем поздняяковском памятнике (современная датировка), конец III тыс. до н.э.

³ "Лапчатый" штамп представлял собой стержень, на который плотно навит тонкий шнур так, что конец стержня почти всегда торчит из обмотки, первые витки пересекаются, а далее плотно уложены параллельными витками, ставится обычно наклонно, углом, но могут и торцом, и боком, без острия.

живой культурной среды, не признававшей жесткого разграничения культур. Пронизывающие лесную зону связи с середины II тыс до н.э. показывают свободное просачивание любых признаков по всей территории, где такие связи поддерживались.

Близость форм, одинаковая направленность развития сетчатой керамики во всей ее области показывает существование общности, в пределах которой циркулировала информация, то есть единство культуры, наличие интеграционных процессов. Единство – налицо. Но для определения локальной специфики требуется знать обстоятельства возникновения этого единства. Во второй половине III тыс. до н.э. вся область была занята волосовской культурой. Вторжения фатьяновцев никак не сказались на ней – культурное взаимодействие их отсутствовало. Фатьяновцы так и не закрепились в лесной зоне. В Волго-Окском междуречье они занимали экологическую нишу, не востребованную волосовцами – луговые поймы малых рек. Кости домашнего скота найдены в могилах, есть медные украшения и оружие, но рабочий инструмент оставался каменным. На их костяных изделиях есть только следы кремневых скребков. Фатьяновская культура оказалась не приспособлена к условиям лесной зоны и не закрепились здесь.

Но в конце III тыс. до н.э. облик волосовской культуры начинает быстро меняться под влиянием контактов с лесостепными культурами. Вероятно, это были брачные связи, но не миграции и набеги. Где-то на территории волосовской культуры мигранты все же осели. Так, шагарская культура – это, видимо, небольшой регион, захваченный примокшанской культурой (рис. 3б) (Челяпов, 1993). Волосовская культура уходит с Оки (Ибердус 1) – здесь прочно обосновалась имеркская, которую теснит примокшанская.

Около 22 в. до н.э. по волосовской территории рассеяна вышедшая с Оки группа, узнаваемая по фатьяноидной керамике (рис. 3, 3а). Ее можно именовать и чирковско-сейминской, и просто сейминской. А.Х. Халиков (1960) обозначил этот компонент в чирковско-сейминской культуре как «керамику типа Сейминской дюны». Но в ее основе нет волосова и фатьяновской, как предполагал Б.С. Соловьев (2000). Ее родственные связи на юге – примокшанская и балановская, но в лесной зоне она появилась именно на волосовских стоянках. С Оки её вытеснила, но и частично ассимилировала поздняя

культура, имевшая корни в культурах Дона (среднестоговская, репинская, катакомбная) (Сидоров, 2014). В отличие от катакомбной – это культура земледельцев, и именно в таком качестве они заняли берега Оки. Часть людей с фатьяноидной (сейминской) керамикой вошла в их состав, но большая часть ушла в леса и оказались среди волосовцев, где мы их узнаем по фатьяноидной керамике. Эта же культура восточнее определяется как чирковско-сейминская, здесь она смешивается с балановской, что хорошо видно на Васильсурском городище (Халиков, Халикова, 1963).

Необходимо отметить, что средневожжское и волго-окское волосово – это разные культуры, разного происхождения, но длительно контактировавшие. И именно с момента расселения фатьяноидов волосовская культура меняется так, что мы перестаем ее узнавать. Меняется и каменная техника. Это естественно: мигранты хорошо знакомы с металлом. Меняется образ жизни, видимо, с появлением скотоводства. Но территория и система связей остаются те же – волосовские (рис. 1).

Меняется и керамика – появляется выделенное горло. Технология керамики как у фатьяноидов – сосуды тонкостенные, с раковиной в тесте, но без птичьего пуха. Орнаменты горла как у фатьяноидов (рис. 3), но попроще. А вот тулово становится сетчатым. Дело в том, что в традиции, от которой развивалась фатьяноидная керамика, орнамент на тулове ниже плечиков не полагался, а у волосовцев – весь сосуд надо «одеть» орнаментом. Видимо, появление сетки – это компромисс между этими культурами: бессмысленного (с точки зрения фатьяноидов) орнамента на тулове нет, и пустота не раздражает аборигенов. Сетчатая керамика стала общим свойством посуды лесной зоны.

Следующий шаг – проникновение в лесную зону поздняяковской культуры (Сидоров, 2014). Видимо, им дорогу проложила в леса породненность с фатьяноидами. К тому же они были не только земледельцы, но и скотоводы, а скотоводство в ранних формах более приспособлено к лесной зоне. Поздняяковские группы, породненные с лесными племенами через фатьяноидный компонент, проникают, располагаясь в волосовской среде, вплоть до Волги (Сокольская 2 в Костромской низине). Но облик их поселений иной, не земледельческий – они не столь капитальны, располагаются в борах на неплодородных почвах, у них отсутствуют зернотерки. В их культуре уже есть абашевские и срубные черты и, конечно,

происходит смешение с культурой сетчатой керамики. По-видимому, именно с момента переселения в леса некоторых поздняяковских общин на Оке, в свою очередь, появляются поселения с сетчатой посудой. Таким образом, воспроизведение старой системы родственных связей в лесной зоне включило в них еще и поздняяковцев. Сетка появляется и на Оке, и к югу от Оки. И здесь вполне земледельческое поселение исследовано под Каширой – Колтово 7 (Сидоров, 1999). Оно уже не поздняяковское, а сетчатое, но с отдельными поздняяковскими сосудами.

Сетчатая керамика – основной признак культур, в основе которых лежит пласт волосовской общности. Там, где нет волосовской подосновы, в постпоздняяковских комплексах аким-сергеевского и бондарихинского типов не возникает и сетчатой керамики. В железном веке – это территория культур дьяковской, городецкой, лууконсаари (в Финляндии и Карелии) (Косменко, 1996б). Это территории волжско-окских финнов: мордвы – эрзи и мокши, мари, мери, а также муромы, мещеры,

но и прибалтийских финнов: вепсов, карел, ливов, ижоры, эстонцев, суоми. Не сохранилось имя туземцев Валдая, тоже связанных с прибалтийскими культурами с начала неолита, если не раньше. Мы не знаем этнонима дьяковцев. Это не мера: существует граница между дьяковской культурой и памятниками восточнее – в Ярославской, Костромской, Ивановской областях. Культуры камско-волжского происхождения можно называть финно-уграми (Напольских, 1997). В их основе ананьинская и пьяноборская культуры – удмурты, коми, возможно, чуваша до того, как были тюркизированы. Прямо и однозначно связывать археологические культуры эпохи бронзы с этнографическими реалиями XV–XIX вв. нет возможности. В первые века н.э. происходило формирование этнополитических союзов с переориентацией направлений связей. Но колебания этого времени вокруг систем родственных связей частично воспроизводят картину этнических связей многотысячелетней давности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А.А.* Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Памяти И.Б. Васильева (1948-2004) / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: НТЦ, 2006. С. 413–421.
- Городцов В.А.* Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.
- Воронин К.В.* Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская слобода 2 // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 329–344.
- Косменко М.Г.* Культура сетчатой керамики // Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1996а. С. 185–215.
- Косменко М.Г.* Культура лууконсаари // Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1996б. С. 238–252.
- Крайнов Д.А.* К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья. Вып. 1: Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород: НГГУ, 1991. С. 66–72.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.
- Лозе И.А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1979. 204 с.
- Лопатина О.А.* Некоторые особенности технологии керамического производства населения городища дьяковской культуры Настасьино // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 494–502.
- Лопатина О.А.* 2005. Керамика Старшего Каширского городища и её культурно-хронологический контекст // II Городцовские чтения: МНК, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ (апрель 2003 г.) / ТГИМ; Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 216–226.
- Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск: УдМИИЯЛ, 1997. 268 с.
- Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 124 с.
- Попова Т.Б.* Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 222–235.
- Розенфельдт И.Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 189–197.

- Сидоров В.В.* Мутёнковское городище // Археология Подмосквья. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 108–127.
- Сидоров В.В.* Колтово 7: комплекс эпохи бронзы // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2006. С. 343–349.
- Сидоров В.В.* Керамика поселения Ибердус 1 (из раскопок Б.А. Куфтина) // Археология восточноевропейской лесостепи: Сб. материалов. Всерос. науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения А.Е. Алиховой / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПГОКМ, ПГПУ, 2003. С. 179–195.
- Сидоров В.В.* Поздняковская культура // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1 / Отв. ред. А.Г. Ситдииков и др. Казань: Отечество, 2014. С. 646–649.
- Смирнов К.А.* Дьяковская культура: (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.
- Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / ТМАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.
- Фоломеев Б.А.* Фактура текстильной керамики бассейна Средней Оки // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7 / Отв. ред. В.П. Челябинов, В.В. Судаков. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1998. С. 79–105.
- Чернай И.Л.* Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4. С. 70–86.
- Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / ТМАЭ. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.
- Халиков А.Х., Халикова Е.А.* Васильсурское поселение эпохи бронзы // Труды Горьковской археологической экспедиции: Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 239–268.
- Цетлин Ю.Б.* Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.
- Челяпов В.П.* К вопросу о памятниках примокшанского типа // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1993. С. 14–19.

Информация об авторе:

Сидоров Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); gav-lupus@rambler.ru

TEXTILE CERAMICS

V.V. Sidorov

All types of the ceramic surface textures classified into a single category of ‘textile ceramics’ were applied to previously formed vessels, which was treated to obtain a pitted surface. This technique is not related to the vessel forming technology and represents decoration. Various types of stamps were used within an individual culture, constituting a single group in terms of their function. The oldest type was crafted with a toothed die, whereas a natural die which allowed to obtain imprints in the form of rows of arcs, a die with a wound thread or cord, and a number of other dies were introduced in a later historical period. This decoration technique was established in the Volosovo culture in the late 3rd Millennium B.C. after the integration of foreign groups determined on the basis of Fatyanoid or Chirkovsko-Seyminsky ceramics. Textile ceramics was used by all Pra-Finnish peoples, representing an indicator of the relations stretching across the forest zone of Eastern Europe.

Keywords: textile ceramics, ceramics technology, classification, Bronze Age, Iron Age, Volosovo culture, Fatyanoid ceramics, Dyakovo culture

About the Author:

Sidorov Vladimir V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; gav-lupus@rambler.ru

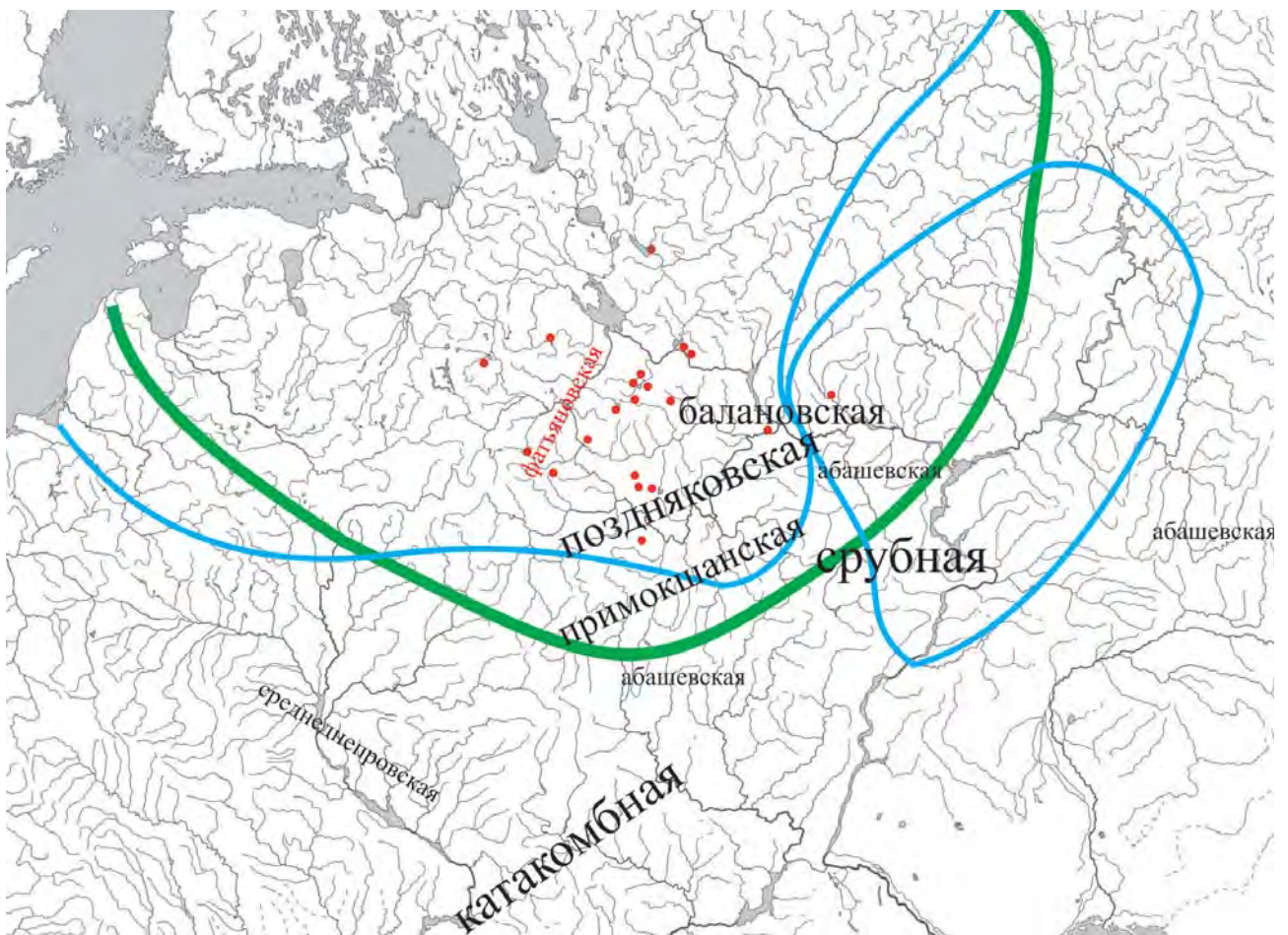

Рис. 1. Культуры сетчатой керамики эпохи бронзы.

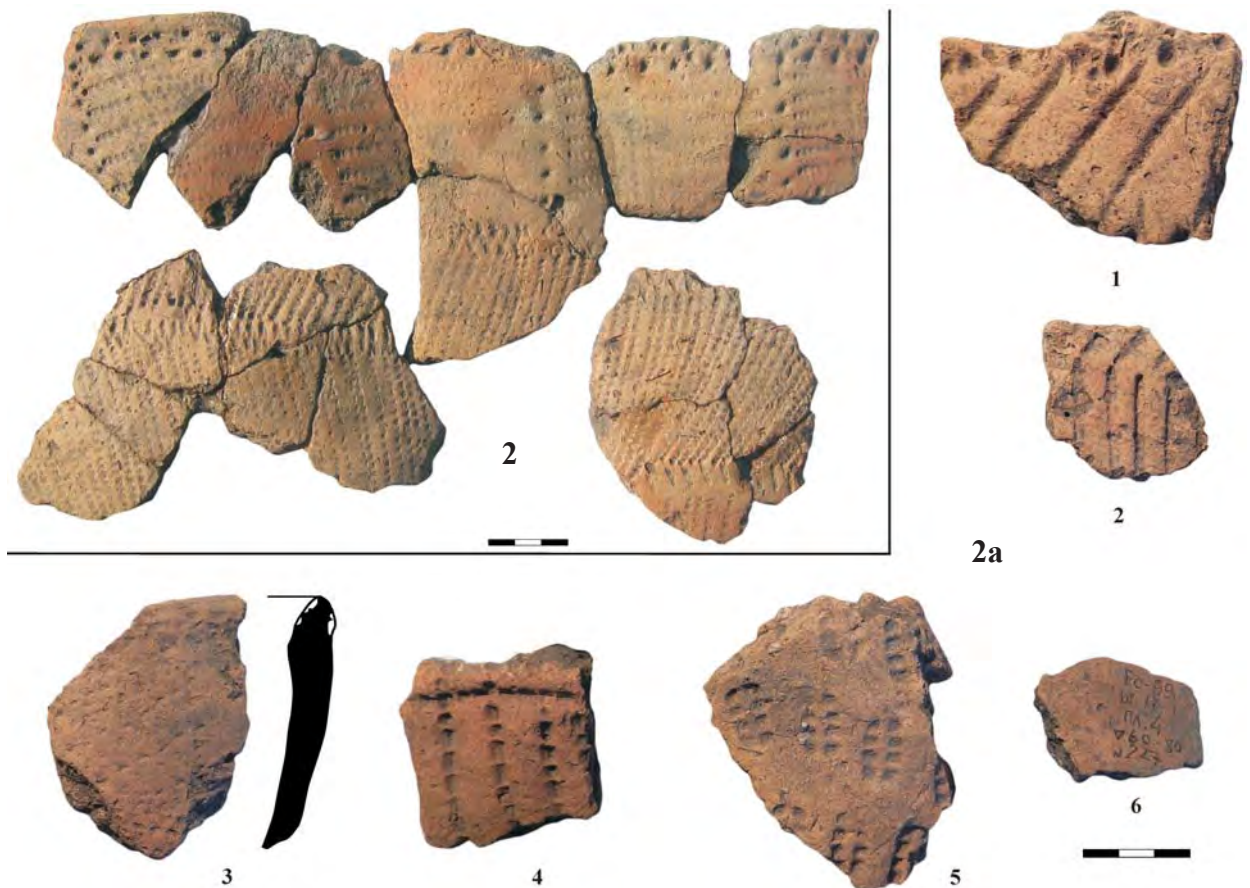

Рис. 2. Волосовская керамика с густой гребенчатой орнаментацией; 2а. волосовская керамика, Еськи. .

Рис. 3. Фатьяноидная (сейминская) керамика. 3а – фатьяноидная керамики поселения Сулать, рис. 3б – Фатьяноидная керамика (Никольская 2) и примокшанская (Логоинов хутор).

Рис. 4, 4а. Лапчатая (верхнеднепровская) керамика верхнего слоя Маслово Болото 4.

Рис.5. Еськи Сетчатая керамика.

Рис.6. Гребенчатая сетка. Еськи (1,2) и Сулять (3,4)

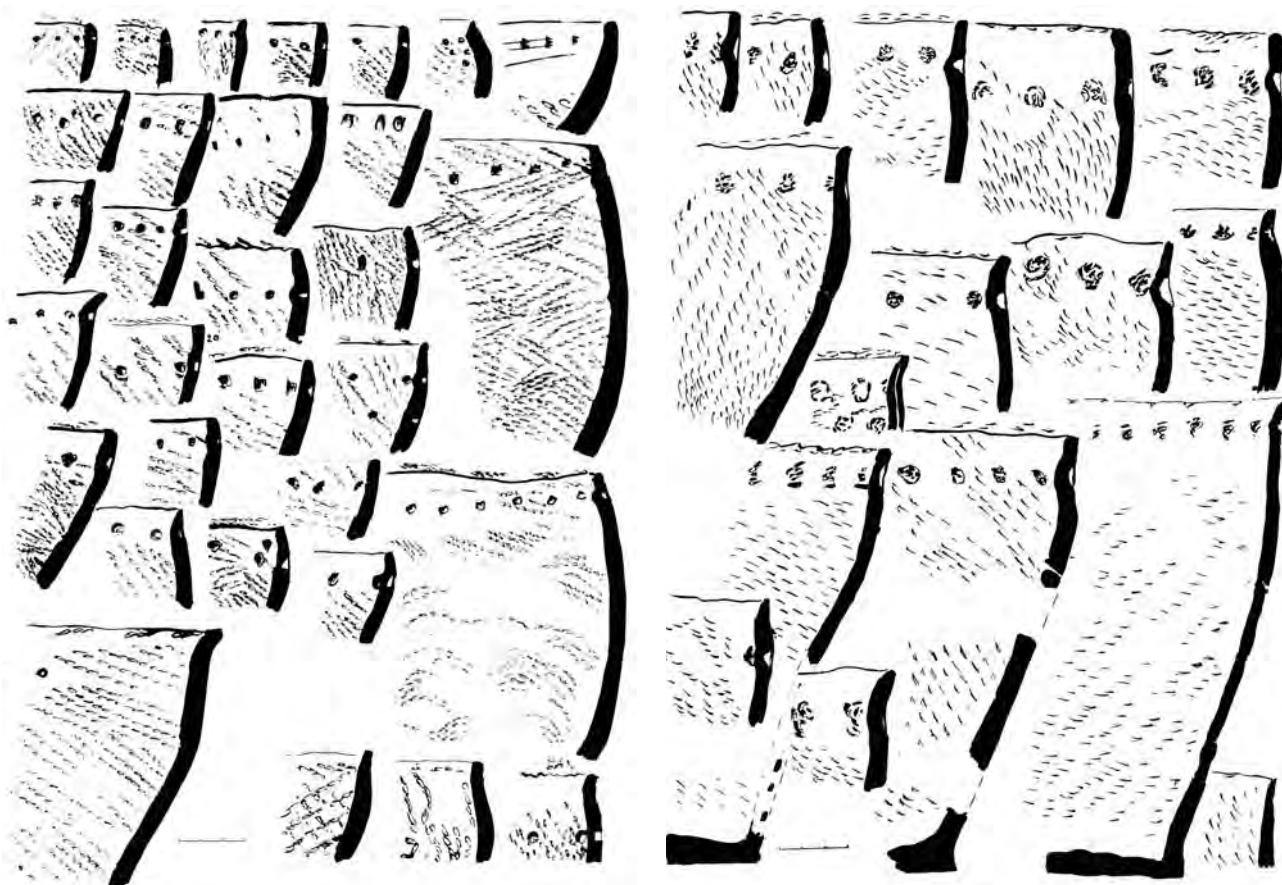

Рис.7. Дзяковская керамика нитчатая и рябчатая. Настасьино

Рис. 8. Доньшки с двухсторонней орнаментацией. Городище Круглица